# КАРТИНЫ ПО РУССКОЙ ИСТОРІИ

ИЗДАННЫЯ ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ И СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМЪ ТЕКСТОМЪ

## С. А. КНЯЗЬКОВА.

ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЪ КЪ КАРТИНѢ № 5

МОСКВА,
ИЗДАНІЕ І. КНЕБЕЛЬ.
1908

# Картины по русской исторіи.

Пятьдесятъ художественно исполненныхъ картинъ въ краскахъ, размѣромъ 66×88 см. Оригиналы картинъ исполнены художниками: Л. С. Бакстомъ, А. Н. Бенуа, И. Я. Билибинымъ, А. М. Васнецовымъ, В. М. Васнецовымъ, М. В. Добужинскимъ, С. В. Ивановымъ, Д. Н. Кардовскимъ, Б. М. Кустодіевымъ, Е. Е. Лансере, Л. О. Пастернакомъ, Н. К. Рерихомъ, В. А. Сѣровымъ.

Объяснительный текстъ, планъ и общая редакція С. А. Князькова.

---

50 картинъ по подпискѣ по 90 к.
50 картинъ, накл. на кожаной бумагѣ по 1 р. 05 к.
50 картинъ на полотнѣ по 1 р. 45 к.
Каждая картина отдѣльно 1 р. 10 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на кож. бум., 1 р. 25 к.
Каждая картина отдѣльно, наклеен. на полотнѣ, 1 р. 65 к.
Объяснительный текстъ къ каждой картинѣ по 10 к.

## I. Кіевская Русь.

1) Городище восточныхъ славянъ, *Н. К. Рериха.*
2) Торгъ у восточныхъ славянъ, *В. М. Васнецова.*
3) Варяги, *В. М. Васнецова.*
4) Христіанство и язычество, *С. В. Иванова.*
5) Судъ во времена Русской Правды (X—XII вв.), *И. Я. Билибина.*
6) Вѣче, *А. М. Васнецова.*
7) Съѣздъ князей, *И. Я. Билибина.*

## II. Суздальская Русь.

8) Новгородскій торгъ, *А. М. Васнецова.*
9) Баскаки, *А. Е. Архипова.*
10) Дворъ удѣльнаго князя (XIII—XIV вв.), *А. М. Васнецова.*

## III. Московская Русь.

11) Великій государь, царь и самодержецъ всея Руси, *С. В. Иванова.*
12) Святѣйшій патріархъ, *С. В. Иванова.*
13) Боярская Дума (XVI—XVII вв.), *С. В. Иванова.*
14) Земскій Соборъ (XVII в.), *С. В. Иванова.*
15) Въ Приказѣ Московскихъ временъ, *С. В. Иванова.*
16) Судъ въ Московскомъ государствѣ, *С. В. Иванова.*
17) Пріѣздъ воеводы, *С. В. Иванова.*
18) Смотръ служилыхъ людей (XVI—XVII вв.). *С. В. Иванова.*
19) На сторожевой границѣ Московскаго государства, *С. В. Иванова.*
20) Стрѣльцы, *С. В. Иванова.*
21) Юрьевъ день, *С. В. Иванова.*
22) Площадь въ городѣ Московскихъ временъ, *А. М. Васнецова.*
23) Монастырь въ Московской Руси (XIII—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
24) Школа въ Московской Руси, *Б. М. Кустодіева.*
25) Въ горницѣ древне-русскаго дома Московскихъ временъ (XVI—XVII вв.), *А. М. Васнецова.*
26) Въ смутное время, *С. В. Иванова.*
27) Во времена раскола, *С. В. Иванова.*

## IV. Всероссійская Русь.

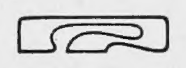
28) Въ Нѣмецкой слободѣ, *А. Н. Бенуа.*
29) Солдаты Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
30) Флотъ Петра Великаго, *Е. Е. Лансере.*
31) Засѣданіе Сената Петровскихъ временъ, *Д. Н. Кардовскаго.*
32) Постройка канала при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
33) Въ школѣ временъ Петра Великаго, *Д. Н. Кардовскаго.*
34) Гулянье въ Лѣтнемъ саду при Петрѣ Великомъ, *В. А. Сѣрова.*
35) Петръ Великій, *В. А. Сѣрова.*
36) Императрица Анна и ея дворъ (1730—1740), *Д. Н. Кардовскаго.*
37) Цесаревна Елизавета у Преображенск. казармъ 25 нояб. 1741 г., *Е. Е. Лансере.*
38) Выходъ императрицы Екатерины II, *А. Н. Бенуа.*
39) Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ, *А. Н. Бенуа.*
40) Дворянское собраніе въ Екатерининскія времена, *А. Н. Бенуа.*
41) Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII, нач. XIX вѣка, *А. Н. Бенуа.*
42) Вахтпарадъ при императорѣ Павлѣ I (1796—1801), *А. Н. Бенуа.*
43) Въ разоренной Москвѣ (1812 г.), *М. В. Добужинскаго.*
44) Въ военномъ поселеніи, *М. В. Добужинскаго.*
45) Декабристы, *Л. О. Пастернака.*
46) Ученье солдатъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго.*
47) Городъ въ Николаевское время, *М. В. Добужинскаго*
48) Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ, *Л. О. Пастернака.*
49) Люди 40-хъ годовъ, *Л. С. Бакста.*
50) Освобожденіе крестьянъ, *Б. М. Кустодіева.*

# Картины по русской исторіи,

изданныя подъ общей редакціей

== С. А. КНЯЗЬКОВА. ==

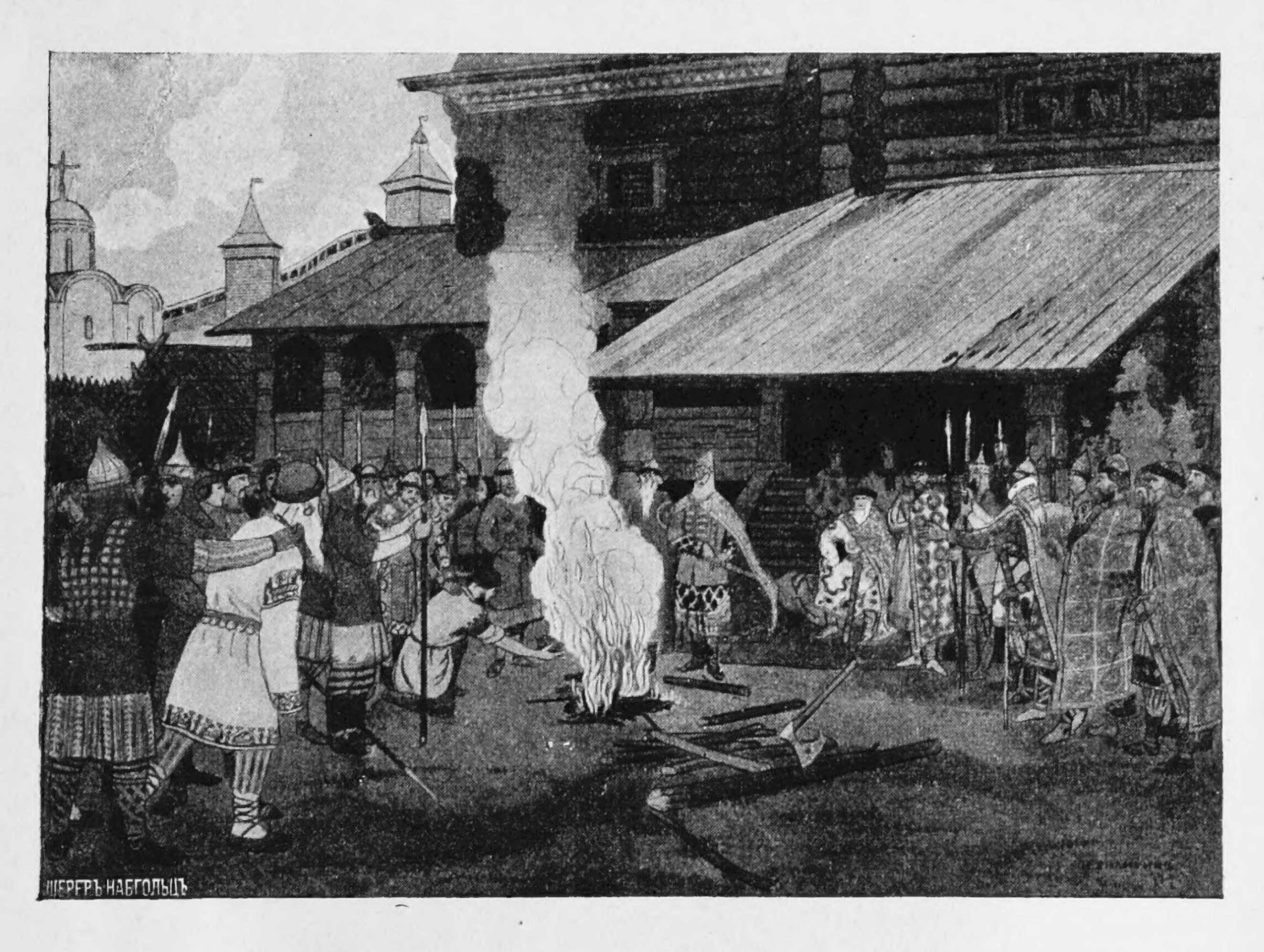




# Объяснительный текстъ

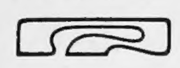
къ картинѣ № 5.






И. Я. Билибинъ. Судъ во времена Русской Правды.





Изданіе ГРОСМАНЪ и КНЕБЕЛЬ, Москва.

1909.






**ВОЗВРАТИТЕ КНИГУ НЕ ПОЗЖЕ**

обозначенного здесь срока

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| | | | | |
| | | | | |
| | | | | |
| | | | | |
| | | | | |
| | | | | |
| | | | | |
| | | | | |





# Судъ во времена Русской Правды.

На картинѣ изображенъ княжой дворъ въ тотъ моментъ, когда внутри его крѣпкой ограды происходитъ судъ. Судятся люди давнихъ временъ—XI самаго начала XII вв., какъ это видно по одеждамъ и обстановкѣ. Князь сидитъ, опираясь на богато украшенный мечъ. На плечи накинуто у него «корзно» изъ плотной византiйской ткани. Корзно имѣло форму плаща, сдѣланнаго изъ цѣлаго четырехугольнаго куска широкой ткани и по краямъ было обшито позументомъ или «кружевомъ золотымъ». На концѣ корзна, покрывавшемъ плечо, бывали вышитыя фигуры орла или крестъ. Застегивалось корзно богатой запоной. У груди вшивался богатый платъ, расшитый драгоцѣнными камнями и золотомъ. Корзно было одеждой преимущественно княжеской. Старшiе дружинники носили подобiе корзна, менѣе драгоцѣнное по своимъ украшенiямъ. Корзно носили и сверхъ вооруженiя. Подъ корзно князь носилъ богатый кафтанъ, кажется, съ прямой спиной, подпоясываемый золотымъ кованымъ или мягкимъ шелковымъ поясомъ. Верхъ шапки и сапоги отличались богатой вышивкой.

Люди простые и младшiе дружинники носили одежды болѣе легкiя и простыя: длинную рубаху и порты, сверхъ которыхъ, надо думать, надѣвали для тепла короткiе, до колѣнъ, кафтаны съ прямой спиной, подпоясанные кушаками. Въ теплую пору ходили безъ кафтановъ. Отроки — младшiе слуги князя и вообще молодежь — шили себѣ рубахи изъ дорогихъ тканей, украшая ихъ богатыми вышивками. Для описываемаго времени очень характерны рубахи, расшитыя по груди кругами, обыкновенно пятью. Ворота «опястья», т.-е. нарукавники, тоже были украшены вышивками очень красивой и тонкой работы;

это труды женъ и дочерей въ ихъ долгіе зимніе досуги. Одежда, въ общемъ, была одного покроя у богатыхъ и бѣдныхъ, разнообразясь только матеріаломъ и украшеніями.

Время, къ которому относится сцена, изображенная на картинѣ, принято называть кіевскимъ періодомъ нашей исторіи. Въ этомъ періодѣ создавалась русская земля, и въ жизни ея вырабатывались тѣ правила жизни, которыми обусловливается отношеніе людей другъ къ другу, всѣхъ къ каждому и каждаго ко всѣмъ на основѣ общей пользы и выгоды ради всеобщаго мира и тишины; создавалось, другими словами, *право* страны, которое прежде всего и больше всего выражается въ судѣ, разбирающемъ тѣ столкновенія отдѣльныхъ лицъ другъ съ другомъ, которыя эти лица не въ силахъ помирить своими средствами и обращаются къ силѣ, власть и значеніе которой признаютъ. Пока государства не было, и люди жили отдѣльными родами и племенами, судьей всѣхъ споровъ и разногласій, карателемъ всѣхъ преступленій и проступковъ былъ — въ родѣ — старѣйшина рода, въ племени — старѣйшина племени — одинъ или собща съ наиболѣе старѣйшими главами отдѣльныхъ семей. Этотъ судъ творился на виду у всѣхъ и сводился къ тому, что устанавливалъ вину преступившаго обычаи человѣка и отдавалъ его въ распоряженіе того, кто потерпѣлъ отъ обиды. Обычай установилъ и степень взысканія съ виновнаго. Если виновный нанесъ кому-либо матеріальный ущербъ, то долженъ былъ возмѣстить сдѣланную имъ кражу, потраву, порчу скота или оружія равноцѣннымъ изъ своего запаса; если виновный былъ убійцей, то самъ платилъ жизнью, падая отъ руки родственниковъ убитаго. Такимъ образомъ, въ судѣ древнихъ временъ участвовали и лица, всѣми признаваемыя за судей, и сами судившіеся, потерпѣвшіе, получавшіе отъ суда право взыскать свой ущербъ съ обидчика.

Когда земли восточныхъ славянъ распались на городовыя области, и въ каждомъ городѣ во главѣ власти стали князья и вѣча, то князь и вѣче сдѣлались источниками суда и расправы. Съ появленіемъ князей судъ дѣлается даже болѣе княжескимъ, чѣмъ вѣчевымъ. И наша лѣтопись, когда разсказываетъ о призваніи князей, отмѣчаетъ, какъ главное назначеніе князя, держаніе суда людямъ. «По-

ищемъ себѣ князя, иже бы володѣлъ нами и судилъ по праву», —говорили будто бы новгородцы, посылая гонцовъ къ Рюрику и братіи его. Судъ становится доходной статьей князя, потому что за судъ онъ получаетъ особые взносы съ ищущихъ суда и потому, конечно, всячески старается это свое право суда сохранить только за собой и оградить его отъ всякихъ покушеній со стороны вѣча. Это удается князьямъ, и въ XI, XII вв. мы читаемъ въ лѣтописяхъ о судѣ, какъ явленіи княжескаго обихода. Владиміръ Мономахъ въ своемъ «Поученіи» приказываетъ своимъ дѣтямъ каждый день держать судъ людямъ. Князь Ростиславъ хотѣлъ постричься въ монахи, и печерскій игуменъ уговариваетъ его не дѣлать того, а лучше дѣяти свое княжое дѣло— «въ правду судъ судити».

Князь самъ, конечно, не могъ судить всѣ дѣла во всемъ княжествѣ и поручалъ, обыкновенно, вмѣсто себя держать судъ по городамъ своимъ намѣстникамъ и управителямъ-тіунамъ. Эти довѣренные князя, его тіуны, оставили по себѣ недобрую память. То обстоятельство, что судъ являлся доходной статьей князя, которую онъ поручалъ въ завѣдываніе своимъ довѣреннымъ, за что сулилъ имъ часть дохода, распаляло въ этихъ довѣренныхъ хищничество. Лѣтопись какъ только заговоритъ о тіунахъ, то больше всего разсказываетъ о томъ, какъ «начаша тіуны грабити, людей продавати, князю не вѣдущу». Такое поведеніе тіуновъ было столь обычно, что возникали вопросы: гдѣ имъ быть на томъ свѣтѣ за ихъ неправедное житіе и поступки? Конечно, на тіуна можно было жаловаться князю; но, во-первыхъ, частенько и самъ князь былъ лакомъ до «кунъ», а во-вторыхъ—это намъ теперь легко говорить, что можно жаловаться князю, когда къ нашимъ услугамъ организованный порядокъ жалобы, пути и средства сообщенія, а вѣдь тогда часто за дверь своего дома нельзя было выйти безъ топора или рогатины въ рукахъ, а всякое путешествіе являлось подвигомъ.

Каждую зиму князь отправлялся обыкновенно на «полюдье», т.-е. за сборомъ дани съ подвластныхъ ему городовъ и мѣстностей. Останавливаясь на погостахъ, куда отдѣльные семьи и роды свозили дань, князь тутъ же и творилъ судъ. У себя дома, въ томъ городѣ, гдѣ считалась резиденція, князь творилъ судъ у себя на дворѣ,

сидя на крыльцѣ своего дома. Кругомъ собирались дружинники. На дворѣ задолго до появленія князя толпились уже тяжущіеся и обвиняемые, свидѣтели и просто любопытные.

Одинъ за другимъ подходили тяжущіеся и обвиняемые къ крыльцу, разсказывали князю, въ чемъ заключается тяжба, или какое преступленіе совершилъ обвиняемый, и князь, поговоря съ дружинниками, выслушавъ хорошо знающихъ старые обычаи людей, стариковъ, и свидѣтелей-послуховъ, ставилъ свой приговоръ «по старинѣ и по пошлинѣ», т.-е. по обычаю, какой пошелъ отъ предковъ. Кромѣ наказанія, виноватая сторона платила штрафъ въ пользу князя.

Писанаго закона тогда не существовало, и приговоръ ставился на основаніи обычая, устно передававшагося отъ отца къ сыну, изъ поколѣнія въ поколѣніе. Обычай основывался на естественныхъ побужденіяхъ человѣческой природы и мало считался съ какими-либо нравственными ограниченіями. Убьетъ кто-нибудь человѣка, близкіе родичи убитаго изъ естественнаго чувства мести старались убить погубителя. Побьютъ кого — побитый чувствуетъ злобу и стремится выместить ее на обидчикѣ. Украдутъ у кого-либо, потерпѣвшій, понятно, старается отыскать вора, отобрать у него похищенное, да еще постарается причинить вору какое-либо зло, чтобы отвадить его отъ воровства.

Такого рода побужденія и легли въ основу судебныхъ обычаевъ древности. «Око за око, зубъ за зубъ, кровь за кровь»—вотъ основной смыслъ ихъ.

Принятіе и распространеніе христіанства нанесло рѣшительный ударъ такому положенію дѣла. Христіанство учило людей любить другъ друга, воздавать добромъ за зло, прощать враговъ. Христіанское ученіе говорило, что преступленіе, зло, нанесенное брату-человѣку другимъ человѣкомъ, есть не только ущербъ, наносимый однимъ другому и нарушеніе обычая людей, но и грѣхъ передъ Богомъ. Благодаря христіанству и стали исчезать жестокіе обычаи въ родѣ кровавой мести за убійство.

Съ распространеніемъ христіанства на Руси судебную власть получили и епископы. Они, во-первыхъ, судили всѣхъ людей по всѣмъ церковнымъ дѣламъ, имъ подвѣдомственны были, напримѣръ, такія

дѣла, какъ святотатство, разводъ и т. п.; во-вторыхъ, ихъ суду подлежали по всѣмъ дѣламъ всѣ люди церковные, т.-е. священники, монахи, клирошане, а также нищіе и врачи.

Первые епископы на Руси были иностранцы—греки, не знавшіе русскихъ судебныхъ обычаевъ, а межъ тѣмъ имъ приходилось судить по чисто-свѣтскимъ дѣламъ цѣлые разряды людей.

Тогда-то вотъ, для свѣдѣнія иностранцевъ-судей, и потребовалось записать судебные обычаи. Первая запись обычныхъ законовъ была сдѣлана, вѣроятно, уже во времена княженія Ярослава, сына Владиміра Святого, поэтому эти первые русскіе записанные законы и называются Ярославовъ судъ или Русская Правда, т.-е. русскій законъ.

Съ теченіемъ времени обычай забывался, самыхъ обычаевъ накопилось такъ много, что трудно стало держать ихъ въ памяти. Тогда и княжескій судъ началъ пользоваться, вѣроятно, записями судебныхъ обычаевъ.

Въ дошедшихъ до нашего времени спискахъ Русской Правды, кромѣ записей старинныхъ судебныхъ обычаевъ, находимъ уставы и узаконенія князей кіевскихъ—Ярослава, его сыновей, Владиміра Мономаха.

Князья давали свои уставы, когда возникала въ жизни такая потребность, которую въ судебномъ отношеніи нельзя было подвести ни подъ одинъ обычай. Такъ, напримѣръ, сыновья Ярослава отмѣнили кровную месть — обычай, не вязавшійся съ утвердившимся уже къ тому времени на Руси христіанствомъ. Отмѣнили они также убійство раба за оскорбленіе свободнаго человѣка. Владиміръ Мономахъ далъ уставъ о взиманіи процентовъ по займамъ, болѣе милостивый къ задолжавшимъ.

Въ Русской Правдѣ всякое дѣло называется «тяжбой», или «тяжей». Въ настоящее время то лицо, которое что-либо ищетъ на судѣ, которое вчинаетъ дѣло, называется истецъ, а тотъ, противъ котораго искъ направленъ, которое должно отвѣчать по тому, что съ него ищутъ, называется отвѣтчикомъ. Въ кіевское время и то и другое лицо называли истцомъ.



Судъ временъ Русской Правды никогда не начинаетъ судить самъ. Пострадавшій, истецъ, долженъ былъ самъ начать слѣдствіе, собрать свидѣтелей, улики и привлечь отвѣтчика къ суду. Такъ было даже въ случаяхъ убійства. Положимъ, находили около села мертвое тѣло. Если убитый былъ человѣкъ никому неизвѣстный, то никакого слѣдствія или суда не начиналось. Начать судебное дѣло могли только люди, близкіе убитому, его родственники. Родственники убитаго требовали отъ села, или отъ улицы, въ предѣлахъ которой было совершено убійство, помощи для разысканія убійцы. Если находились «видоки», т.-е., люди, видѣвшіе фактъ убійства, или знавшіе о немъ, то родственники убитаго находили виновнаго и звали его на судъ. Обвиняемый со своей стороны искалъ «послуховъ», свидѣтелей своего добраго поведенія. Затѣмъ всѣ шли на судъ. «Послуховъ» надо было представить семь человѣкъ. При производсвѣ суда случалось, что «видоки» и «послухи» «налѣзали», т.-е. являлись, сами.

Судъ начинался съ того, что путемъ допроса истца и отвѣтчика, ихъ присяги, поединка, суда Божія между ними путемъ испытанія ихъ желѣзомъ и водой подтверждалось преступленіе, которое подлежало суду. Затѣмъ происходилъ самый судъ. Въ заключеніе князь или его тіунъ произносилъ приговоръ.

Клятва при присягѣ называлась тогда «ротою». По договору Олега съ греками извѣстно, что язычники клялись Перуномъ, слагая съ себя щитъ и оружіе. Послѣ утвержденія христіанства присяга заключалась въ цѣлованіи креста и Евангелія при произнесеніи словъ, призывающихъ имя Божіе во свидѣтельство истины. Присягать могъ и истецъ и отвѣтчикъ. Отказъ отъ присяги велъ за собой обвиненіе. Если обѣ стороны шли на присягу, то споръ ихъ долженъ былъ разрѣшаться поединкомъ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, не довольствуясь показаніями «послуховъ», тогдашній судъ часто прибѣгалъ къ такимъ мѣрамъ, какъ испытаніе огнемъ или водою. Состояло это испытаніе въ томъ, что обвиняемый, но не признающійся въ своей винѣ человѣкъ, долженъ былъ взять голыми руками изъ огня кусокъ раскаленнаго желѣза. Эта сцена и изображена на картинѣ. Если рука оставалась невредимой—обвиняемаго оправдывали. Для рѣшенія спора между двумя сторонами, когда ни одна

не хотѣла уступить, а показанія свидѣтелей разнились, прибѣгали къ жребію. Жеребья клались въ опредѣленномъ мѣстѣ, и слѣпецъ долженъ былъ взять одинъ изъ нихъ. Оправдывали того, чей жребій попадался подъ руки слѣпому.

Въ тѣхъ случаяхъ, когда у кого-нибудь украли какую-либо вещь, и обокраденный находилъ ее у другого лица, а это лицо утверждало, что купило эту вещь у третьяго, собственникъ вещи вмѣстѣ съ тѣмъ, у кого онъ находилъ ее, шелъ къ тому, у кого держатель вещи купилъ ее, если этотъ продавецъ купилъ ее еще у кого-нибудь, то шли втроемъ къ тому, у кого она была куплена продавцомъ, и т. д. до тѣхъ поръ, пока не находили вора. Это хожденіе со двора во дворъ называлось «сводомъ». Обокраденный долженъ былъ производить его до суда, самъ, и только въ нѣкоторыхъ случаяхъ полагалось судьѣ дать потерпѣвшему на помощь при сводѣ «отрока», т.-е. по нашему полицейскаго солдата, низшаго служителя при судьѣ.

Исполненіе приговора принадлежало торжествующей сторонѣ: обиженный холопомъ свободный человѣкъ могъ «бити его развязавше», несостоятельнаго должника кредиторъ прямо съ суда самъ уводилъ къ себѣ домой, или велъ на торгъ для продажи, спорную вещь собственникъ самъ бралъ у отвѣтчика.

Установивъ преступность виновнаго или неправоту одного изъ тяжущихся, тогдашній судъ налагалъ наказаніе, состоявшее въ штрафѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ тогдашній законъ полагалъ лишь вознагражденіе въ пользу потерпѣвшаго, въ другихъ, сверхъ того, еще и штрафъ въ пользу князя.

Штрафъ, который уплачивался преступникомъ князю, назывался «вирой». Та сумма, которую преступникъ платилъ потерпѣвшему отъ причиненнаго зла, носила названіе «головничества».

Штрафъ взимался тогдашними деньгами—гривнами кунъ. Гривной кунъ назывался слитокъ серебра различной формы, обыкновенно продолговатой и сплющенной. Гривна кунъ раздѣлялась на 20 ногатъ, на 25 кунъ, на 50 рѣзанъ; рѣзана дѣлилась на векши—на сколько именно, точно неизвѣстно. Слово «куны» значитъ деньги.

Тогдашній обычай точно и аккуратно расцѣнивалъ, когда и сколько

долженъ платить обвиненный или неправый. Вира за убійство, напримѣръ, была троякая: двойная, равнявшаяся 80 гривнамъ, шедшая за убійство «княжа мужа», простая—въ 40 гривенъ—за убійство простого свободнаго человѣка, и половинная—за убійство женщины, а также за отсѣченіе руки, ноги, носа. Головничество не было опредѣлено такъ послѣдовательно; убившій «княжа мужа» платилъ его родственникамъ двойную виру, родственникамъ же убитаго смерда, т.-е. земледѣльца, уплачивалось всего 5 гривенъ. Если преступникъ скрывался, то виру должна была уплачивать за него вся община, членомъ которой онъ былъ, т.-е. все село, или, если это былъ горожанинъ, вся улица, гдѣ жилъ убійца. Такой штрафъ назывался «дикая вира».

Конокрадство и поджогъ карались «потокомъ и разграбленіемъ». Это значитъ, что преступника выгоняли изъ села или изъ города и отымали у него имущество. За всѣ прочія преступленія законъ наказывалъ «продажею» въ пользу князя и «урокомъ за обиду» въ пользу потерпѣвшаго.

Такъ тогда было оцѣнено и переведено на деньги всякое преступное дѣяніе и дошедшая до насъ запись тогдашнихъ судебныхъ обычаевъ. «Русская Правда» почти вся состоитъ изъ такихъ оцѣнокъ различныхъ преступныхъ дѣяній. Разсматривая назначаемыя по Русской Правдѣ наказанія, проф. В. О. Ключевскій говоритъ, что хотя Русская Правда и умѣетъ отличать обиду, причиненную лицу, отъ ущерба, причиненнаго его имуществу, но и личную обиду разсматриваетъ преимущественно съ точки зрѣнія хозяйственнаго ущерба. Она строже наказываетъ за отсѣченіе руки, чѣмъ за отсѣченіе пальца, потому что въ первомъ случаѣ потерпѣвшій становился менѣе способнымъ къ труду, т.-е. къ пріобрѣтенію имущества. Смотря на преступленія преимущественно какъ на хозяйственный вредъ, Правда и карала за нихъ возмездіемъ, соотвѣтствующимъ тому матеріальному ущербу, какой они причиняли. Когда господствовала родовая месть, возмездіе держалось на правилѣ: жизнь за жизнь, зубъ за зубъ. Потомъ возмездіе перенесено было на другое основаніе, которое можно выразить словами: гривна за гривну, рубль за рубль. Это основаніе и было послѣдовательно проведено въ системѣ наказаній по Русской

Правдѣ. Правда не заботится ни о предупрежденіи преступленій, ни объ исправленіи преступной воли. Она имѣетъ въ виду лишь непосредственныя матеріальныя послѣдствія преступленія и караетъ за нихъ преступника матеріальнымъ же, имущественнымъ убыткомъ. Тогдашній законъ какъ будто говоритъ преступнику: «Бей, воруй, сколько хочешь, только за все плати исправно по таксѣ».

Понятія о преступленіи, какъ о грѣхѣ, не только передъ людьми, но и передъ Богомъ, заботы объ исправленіи преступника наказаніемъ—нѣтъ въ Русской Правдѣ. Она вся еще проникнута вѣрованіями и представленіями людей нехристіанъ, язычниковъ, и очень отчетливо отмѣтилась въ ней та жестокость, сухость, какую сообщала тогдашнему человѣку его бурная, опасная военно-торговая жизнь и дѣятельность.

См. *Н. Л. Дювернуа*, «Источники права и судъ въ древней Россіи».
*В. О. Ключевскій*, Курсъ русской исторіи, ч. I.





Настоящее изданіе картинъ по русской исторіи ставитъ себѣ задачей дать рядъ изображеній характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни Россіи, опредѣляющихъ ея историческое развитіе и очерчивающихъ ея прошлый бытъ, какъ его можно себѣ представить на основаніи памятниковъ прошлаго и научныхъ изслѣдованій старины.

Курсъ русской исторіи обычно принято дѣлить на четыре большихъ періода: I. Кіевская Русь; II. Суздальская Русь; III. Московская Русь; IV. Всероссійская Русь.

Важнѣйшими уроками въ изложеніи перваго періода можно считать разсказы: *о славянахъ*, *предкахъ русскаго народа*, *объ ихъ торговлѣ*, *о появленіи варяговъ* и объ ихъ значеніи въ созданіи славяно-русской государственности, *о началѣ христіанства на Руси*, *о судѣ*, *объ управленіи вѣчевомъ и княжескомъ* въ Руси Кіевскихъ временъ. Семь картинъ на соотвѣтствующія темы въ предлагаемомъ изданіи и ставятъ себѣ цѣлью дать живописное художественное изображеніе указанныхъ моментовъ исторической жизни русскаго народа.

Въ Суздальскій періодъ исторической жизни великорусскаго народа изученіе его прошлыхъ судебъ болѣе всего останавливается на внѣшнемъ фактѣ татарскаго нашествія, приведшаго въ концѣ-концовъ къ исчезновенію самостоятельности Южной Руси, вскорѣ завоеванной Литвой, и на установленіи на сѣверо-востокѣ удѣльнаго строя государственной жизни. На эти темы даются двѣ картины: „*Баскаки*" и „*Дворъ удѣльнаго князя*".

Картины, освѣщающія бытъ Московскаго государства, можно раздѣлить на четыре большихъ группы. Первая имѣетъ задачей показать въ художественномъ изображеніи государственную власть тѣхъ временъ въ ея обычномъ каждодневномъ проявленіи. (См. по списку картины 11—17.) Ко второй группѣ картинъ относятся тѣ, которыя даютъ изображенія моментовъ жизни трехъ важнѣйшихъ отдѣльныхъ слоевъ общества тѣхъ временъ въ ихъ отношеніи къ государству, въ ихъ „службѣ" государству. (См. карт. 18—22.) Третья группа картинъ имѣетъ задачей иллюстрировать тѣ стороны жизни, которыя въ общежитіи преимущественно называютъ культурными. (См. карт. 23—25.) Четвертую группу картинъ, относящихся къ исторіи Московскаго государства, составляютъ двѣ, имѣющія своей задачей изобразить моменты изъ тѣхъ двухъ крупныхъ событій, которыя не только потрясли въ основаніи Московское государство, но наиболѣе ярко за все время его существованія опредѣлили, чѣмъ оно жило, какой характеръ устои его жизни имѣли и сколь жизненно прочны они были. Эти событія, конечно, „*Смута*" и „*Расколъ церкви*". Карт. 26 и 27 даютъ характерную сцену изъ исторіи смутнаго времени и изъ временъ раскола.

Картины, относящіяся къ двумъ послѣднимъ вѣкамъ русской исторіи, не представилось возможнымъ сгруппировать въ такія же цѣльныя и сравнительно полныя серіи, опредѣленно, немногими яркими чертами рисующія суть жизненныхъ явленій и быта даннаго времени. Препятствовали этому, съ одной стороны, большая сложность и многообразность явленій исторической жизни за это время, а съ другой—историческая близость къ нашей современности, своего рода незаконченность развитія многихъ сторонъ жизни XVIII и XIX вв. Поэтому пришлось взять для иллюстраціи характерные для каждаго раздѣленія моменты иногда болѣе внѣшняго, чѣмъ внутренняго значенія, но всегда имѣя въ виду иллюстрировать не самый фактъ, взятый самъ-по-себѣ, а воспользоваться имъ въ его внутреннемъ смыслѣ— взять его какъ характерный для данной эпохи, какъ обобщающій извѣстное историческое состояніе даннаго времени.

Время Петра Великаго, какъ время реформъ, въ результатѣ положившихъ грань между Русью Московской и имперіей Всероссійской и легшихъ въ основу исторической жизни Россіи, какъ европейской державы, рисуютъ

картины, которыя очерчивають главнѣйшія изъ реформъ ... ніе новыхъ людей, новаго быта, новаго управленія и ук... реформатора въ его дѣятельности. (См. картины 28—35...

Времени наслѣдниковъ Петра Великаго, характеризу... какъ время дворцовыхъ переворотовъ и господство фав... посвящены картины 36 и 37.

Времени Екатерины II посвящено четыре картины (38—41): *„Выходъ императрицы Екатерины II“*, *„Въ лагерѣ Екатерининскихъ солдатъ“*, *„Дворянское собраніе при Екатеринѣ II“*, *„Въ крѣпостной деревнѣ конца XVIII в.“*.

Картина (42) *„Вахтпарадъ императора Павла I“* характеризуетъ это сумрачное царствованіе съ его шагистикой и муштровкой.

Времени Александра I посвящаются три картины. Первая изображаетъ опредѣляющее внѣшнее событіе того времени—1812 г., рисуя *разореніе Москвы* французами (43); вторая характеризуетъ смутное и тяжелое время аракчеевщины, изображая сцену *изъ жизни военныхъ поселеній* (44); третья (45), *„Декабристы“*, даетъ изображеніе изъ исторіи протеста противъ гнета аракчеевщины.

Время Николая I характеризуется картинами въ трехъ направленіяхъ, какія намѣчались въ тогдашней жизни. Это, во-первыхъ, все нивеллирующая и ставящая въ одну шеренгу, подъ одну фельдфебельскую палку, солдатчина, съ ея балетной муштрой и ярко начищенной амуниціей. (См. карт. 46—*„Ученье рекрутъ въ Николаевское время“*.) Второй чертой Николаевскаго времени, во многомъ являвшейся слѣдствіемъ установившагося режима и господства крѣпостного права, является та общественная неподвижность и спячка опекаемыхъ благодѣтельнымъ начальствомъ среднихъ слоевъ населенія. Картина (47), изображающая *„Городъ Николаевскихъ временъ“*, пытается дать внѣшнее изображеніе жизни русскаго обывателя тѣхъ временъ, а картина *„Балъ въ Москвѣ 30-хъ годовъ“* (48) рисуетъ тѣ вольно и невольно беззаботно веселыя стороны тогдашней жизни, въ которыхъ почти исключительно выражалась вся ея общественность. Третьей чертой Николаевской эпохи, конечно, будетъ то пробужденіе мысли и стремленіе къ жизни и свѣту, котораго ничто не смогло задавить и которое выразилось въ декабристахъ, Пушкинѣ, расцвѣтѣ литературно-научныхъ интересовъ въ Москвѣ съ ея университетомъ, около 40-хъ годовъ, когда гремѣли по московскимъ гостинымъ споры западниковъ и славянофиловъ, а въ Московскомъ университетѣ раздавалось вдохновенное слово Т. Н. Грановскаго. На эту тему и отвѣчаетъ картина (49) *„Люди 40-хъ годовъ“*.

Картина (50), относящаяся къ моменту *освобожденія крестьянъ*, завершаетъ собой пока серію картинъ по русской исторіи.

Въ распоряженіе преподавателя русской исторіи поступаютъ, такимъ образомъ, пятьдесятъ картинъ, изображающихъ важные моменты въ развитіи жизни русскаго народа. Горячимъ желаніемъ издателя, составителя плана и редактора и всѣхъ принимавшихъ участіе въ созданіи самыхъ картинъ было, чтобы онѣ сослужили свою добрую службу русской школѣ, изученію прошлаго русской жизни, пробужденію любви къ тому прошлому; какъ порой ни печально и ни безотрадно оно было, но оно пережилось и, въ концѣ-концовъ, должно привести черезъ плодотворное настоящее къ доброму и свѣтлому будущему, вѣрно понять и оцѣнить которое безъ знанія прошлаго нельзя.

Кромѣ этой серіи, нами намѣчено изданіе ряда картинъ, которыя изображаютъ важнѣйшіе моменты русской исторіи въ ея связи со внѣшними событіями, среди которыхъ совершался политическій ростъ страны и развитіе русской державы.